

морфий принцип дополнительной дистрибуции: разные морфы не могут занимать одну и ту же позицию (стр. 20). Однако в дальнейшем, справедливо отмечая, что по сравнению с фонетической позицией морфологическая и грамматическая позиции менее всеобщы и иногда допускают исключения (например, в области чередований, см. стр. 161), и не менее справедливо считая, что понятие грамматической позиции предполагает обобщение каких-то условий функционирования лингвистической единицы и потому не допускает лексического (словарно заданного) распределения, автор предлагает по сути дела другое, менее строгое, чем дополнительная дистрибуция, понимание распределения алломорфов: «в распределении таких единиц существуют закономерности, которые могут быть изложены в виде правил» (стр. 168) ⁴.

Правильно подчеркивая, что морфы, выбор которых определяется фонологической позицией (т. е. морфы типа [дубы] — [дуп], различающиеся не фонемами, а аллофонами), являются уже по сути дела не разными морфами, а фонетическими разновидностями одного морфа, единицами фонетического уровня (см. стр. 162), автор, однако, не только рассматривает (вряд ли оправданно) подобные «морфы» среди типов позиционного противопоставления морфов одной морфемы, но и называет их неоднократно (наряду с «разновидностями морфа») «морфами» и «алломорфами» (например, на стр. 157, 164), чем очень затрудняется изложение в этом разделе.

Не вполне обоснованным представляется понятие «чередования морфонов»,

⁴ Такое понимание вполне соответствует, например, тому, которое предложено в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970, стр. 33).

используемое на стр. 163—164 применительно к случаям типа *-а/-и* (наречные суффиксы, которые автор считает морфами единой морфемы: ср., например, *броск-о* и *дружеск-и*). До сих пор в книге шла речь только о чередовании фонем, причем справедливо отмечалось, что чередование — это регулярное, повторяющееся явление («единичность, неповторяемость противоречит самой сущности явления чередования» — стр. 80). В данном же случае, судя по приведенному примеру (а другого не приведено), трудно говорить о какой-либо регулярности мены фонем. Можно ли вообще называть мену *о-и* в данном примере чередованием и стоит ли за ней мена морфонов, а не фонем, — это требует дополнительной аргументации.

Жаль, что в книге не получило специального рассмотрения понятие словообразовательной цепочки (или цепи), связанное в свою очередь с такими понятиями, как степени производности, непосредственная и опосредствованная производность (мотивированность), с понятием словообразовательного гнезда (единичная словообразовательная цепочка *писать* → ... → *переписывание* изображена на стр. 14, а сами термины «словообразовательная цепь», «исходный член цепи» единственный раз применяются — без определения их — на стр. 70). «Гнездовая» проблематика не затрагивается автором, но думается, что хотя бы определение словообразовательного гнезда как особой единицы словообразовательной системы языка следовало бы в книге дать.

Книга Е. А. Земской — заметное явление в современной словообразовательной науке. Выход ее, несомненно, будет стимулировать дальнейшие исследования в этой области.

В. В. Лопатин

V. Grinaveckis. Zemaičių tarmių istorija (fonetika). — Vilnius, «Mintis», 1973, 370 стр.

Исследование литовских диалектов, как известно, очень важно для изучения истории не только балтийских языков, но и славянских, а также других индоевропейских языков. Всестороннее исследование диалектов тем актуальнее, что процесс нивелирования говоров в настоящее время становится особенно интенсивным. Среди литовских диалектов особого внимания заслуживает жемайтское наречие, на котором говорит население северо-западной части Литовской ССР. На этой территории в течение нескольких столетий исторические события оказывали заметное влияние на язык местного населения. Жители данной местности тесно

контактировали с древними куршами, пруссами и другими балтийскими племенами. Кроме того, здесь сказалось влияние немецкого языка, так как западная часть территории (Клайпедский край) почти 700 лет находилась под игом немецких властей.

Исследователи литовского языка посвятили немало работ жемайтскому диалекту, но это в основном были труды, в которых рассматривались современные языковые системы отдельных жемайтских говоров. В балтийском языкознании до сих пор еще не было исследования, охватывающего языковую систему всего жемайтского наречия в его историческом

развитии. В рецензируемой монографии В. Гринавецкиса «История жемайтских говоров (фонетика)» впервые в литовской диалектологии на основе богатого фактического материала исследуется происхождение и развитие фонетических особенностей всех жемайтских говоров с их не вполне совпадающими системами вокализма.

О характерных чертах жемайтского наречия, о процессе его формирования писали К. Яунюс, К. Буга, Ю. Гярулис, А. Салис, З. Зинкявичюс и др. Языковые явления литовского языка, аналогичные которым имеются в древнепрусском и латышском языках, исследовал и выдающийся балтист Я. Эндзелин. В. Гринавецкис, глубоко изучив имеющиеся работы и исследовав собранный им фактический материал по жемайтским говорам, смог критически подойти к анализу существующих точек зрения относительно развития фонетической системы описываемого диалекта.

Автору удалось показать развитие фонетической системы жемайтского наречия, установить, какие процессы относятся к более древним, какие — к новым, а также определить направление распространения этих изменений.

По мнению автора, большинство жемайтских диалектных особенностей являются относительно новыми. Такое заключение важно и для латышской диалектологии, так как оно подтверждает концепцию Я. Эндзелина, датирующего многие фонетические явления верхнелатышского диалекта не позднее XV в.

При объяснении происхождения, развития и распространения фонетических явлений автор, как это видно из предисловия (стр. 3—4), опирается преимущественно на концепцию представителя итальянской неолитвингистической школы В. Пизани, а также на труды литовских диалектологов (К. Яунюса, А. Салиса и др.). Вслед за В. Пизани, А. Салисом и другими лингвистами В. Гринавецкис придерживается мнения, что диалектные явления возникают в одном каком-либо месте как инновация индивидуального характера, а потом распространяются, достигая определенных границ; они могут переходить из одного диалекта в другой, охватывая более или менее обширный ареал. Согласно этой концепции, большая роль при возникновении определенных фонетических явлений жемайтских говоров отводится субстрату.

Отдельным фонетическим особенностям жемайтского наречия автор приводит соответствия из других литовских и родственных латышских говоров, а нередко и данные древнепрусского, куршского, земгалского языков, выявляя генетические связи между ними или ареальные отношения. Атракцию ударения в литовских говорах он связывает с атракцией

ударения в латышском языке, очерчивая при этом ареал данного явления. Первоначальную причину атракции ударения В. Гринавецкис объясняет, как и А. Салис, З. Зинкявичюс, влиянием куршского и земгалского субстрата (стр. 49—50). Субстратом ливского языка (через посредничество куршей и земгалов) он пытается объяснить связь редукции конца слова в говорах литовского языка (стр. 283).

Монография состоит из предисловия, введения и трех глав; приложены также список пунктов локализации приведенных диалектных материалов и карта исследуемого наречия.

Во введении (стр. 5—38) излагаются общие вопросы транскрипции и транспозиции, указываются границы и территория исследуемых говоров, характеризуются их основные особенности, определяется место жемайтского наречия в фонетической системе всего литовского языка.

В I главе «Ударение и интонация» (стр. 39—127) анализируется просодическая система жемайтского наречия и ее развитие. Автор убедительно обосновывает мысль о том, что атракция ударения, будучи по происхождению субстратным явлением, позже в литовских говорах могла проходить и самостоятельно по своим собственным законам и что ее могло обусловить сокращение актовых окончаний. Это подтверждается, на наш взгляд, диалектными данными тех литовских говоров, в которых отмечены как атракция ударения, так и сокращение древнего актового окончания. В таких примерах жемайтского говора, как *grīžtu* «я возвращаюсь», *grīžti* «ты возвращаешься» (ударение оттянуто с краткого окончания — с *grīžtū*, *grīžti* — по аналогии с другими формами парадигмы; ср. *grīžta* «он, она возвращается, они возвращаются», *grīžtame* «мы возвращаемся», *grīžtate* «вы возвращаетесь») и *grīžai* «я возвращался», *grīžai* «ты возвращался» (ударение сохранено на долгом окончании, хотя в формах парадигмы оно находится, как и в первом приведенном случае, тоже на корне слова, ср. *grīžome* «мы возвращались», *grīžote* «вы возвращались», *grīžo* «они возвращались»), аналогия парадигматического перенесения ударения, по всей вероятности, является только вспомогательным фактором, действующим атракции ударения лишь в том случае, когда окончание краткое.

В. Гринавецкис также доказывает, что интонации жемайтских говоров являются более архаичными по сравнению с интонациями других литовских говоров и литературного языка, являясь более близкими к интонациям латышского языка (стр. 116—125).

В этой главе детально описываются все виды ударения и интонаций жемайтского

наречия, устанавливается территория распространения и характер отдельных интонаций; показано, как постепенно ослабляется интенсивность аттракции ударения в направлении с севера обследуемой территории на юг ее. Здесь же раскрываются отличия систем ударений и интонаций в жемайтском наречии и аукштайтском, а также в латышском и сербохорватском языках, рассматривается система ударений и интонаций балтийского праязыка и т. п. Вообще эта глава монографии является наиболее ценной как по обилию и разнообразию приводимых фактов, так и по новизне и убедительности их интерпретации.

Немало новых диалектных явлений представлено и во II главе монографии «Вокализм» (стр. 128—283), где исследуется система гласных звуков жемайтского наречия и их формирование. Большое внимание уделяется хронологизации и выяснению причин возникновения и развития отдельных гласных звуков. Автор использует не только многочисленные диалектные особенности, но и данные древних письменных памятников, делая этим свою историческую интерпретацию еще более убедительной. Особенно исчерпывающим является анализ проблемы сокращения конца слова, причин и закономерностей этого языкового явления в жемайтском диалекте, которое при этом сравнивается с соответствующими особенностями других литовских говоров, литературного языка и балтийских языков. На основе языковых данных В. Гринавчикис установил, что в северном ареале балтийских языков, где в прошлом балтийские племена соприкасались с угро-финскими племенами и ливами, имеется наиболее сильное сокращение конца слова (особенно в современном ливском говоре латышского языка), которое, распространяясь с севера на юг, постепенно утрачивает свою интенсивность. Данную территорию автор считает центром локализации описываемого языкового явления и высказывает довольно убедительное предположение, что тенденцию к сокращению конца слова балтийские языки переняли от ливского языка, но в дальнейшем процесс сокращения конца слова в балтийских языках мог происходить и, скорее всего, происходил по собственным законам.

В гл. III «Консонантизм» (стр. 284—335), наряду с анализом происхождения и развития отдельных согласных, много места отводится распространению сочетаний согласных с *j*, а также комбинаторным изменениям согласных. Автор весьма убедительно объясняет причины превращения древних сочетаний **tj*, **dj > t'*, *d'* в конце слова в жемайтском наречии и происхождение дзуканья в аукштайтском и в одном из жемайтских говоров. Появление аффрикат *č*, *dž* объясняется как результат более сильного

смягчения согласных, а не посредством влияния белорусского языка. Установив схожесть развития сочетаний **tj*, **dj* в жемайтском наречии, куршском и древнепрусском языках, автор считает, что территории распространения этих языков на основе данной особенности, по всей вероятности, могут быть объединены в один общий ареал. В книге содержится много существенных замечаний и обобщений об ассимилятивном смягчении согласных в жемайтском наречии, о неодинаковой степени их мягкости, об исчезновении, вставке и прибавлении согласных.

Рецензируемая монография, представляющая собой серьезный вклад в описательную и историческую диалектологию литовского языка, привлекает внимание не только диалектологов, но и исследователей как исторической грамматики литовского языка, так и литовского литературного языка, а также языковых контактов балтийских языков. Диалектологи найдут в ней немало свежих диалектных данных (особенный интерес представляют сведения о почти исчезнувшем жемайтском дониникском говоре) и новую интерпретацию отдельных фактов всего жемайтского наречия. Исследователи исторической грамматики могут использовать данную книгу при объяснении происхождения и развития ряда особенностей литовского языка (например, дифтонгов *ie*, *uo*, гласных звуков *ė*, *o*, аффрикат *č*, *dž*). Историкам литературного языка она поможет уточнить локализацию языка произведений авторов различных эпох, родом из Жемайи.

Как во всяком большом труде, в этой работе имеются, на наш взгляд, некоторые недочеты. В вводной главе, например, автор сравнительно широко освещает исследование жемайтского наречия Й. Юшки, К. Яунюса и других языковедов, а упоминания о диалектологических работах, появившихся в наше время, чаще всего сводятся к краткому комментарию библиографического характера.

На стр. 242—247 утверждается, что в жемайтском говоре (окрестности г. Скаудвиле) и в аукштайтском говоре (окрестности г. Вилькиа) первые компоненты акутовых дифтонгических сочетаний *i*, *u + l*, *m*, *n*, *r*, удлинняясь, превратились в дифтонгоиды *ie*, *uo* (*mieltai < miltai* «мука», *dūolkes < dūlkės* «пыль») и что это изменение зависит от характера сильноначальной интонации, однако это положение недостаточно аргументировано материалом.

Недоказанным, по нашему мнению, остается и положение, что жемайтская форма *mīlėnū < mēlno* «луна, месяц» (стр. 270) могла быть образована по аналогии со словами, имеющими конечное ударение (*akmū < akmiō* «камень»).

Некоторые высказывания излишне категоричны. Так, на стр. 198—201 написано, что дифтонги *ai*, *ei* в жемайтском наречии монофтонгизировались вследствие концентрации силы голоса прерывистой и сильносрединной интонации на первом компоненте. Но в окрестностях г. Куршенай¹ эти дифтонги монофтонгизированы и в случаях, когда сила голоса указанных интонаций сконцентрирована на втором компоненте (стр. 132—133). На стр. 304 В. Гринавецкис пишет, что в говоре, носителем которого был К. Донелайтис, сохранился согласный *j* после губных *b*, *p*, *v*, *m*. Но в отдельных случаях буква *j* могла обозначать и мягкость согласных, и Донелайтис употреблял букву *j* не только для обозначения звука *j*.

Возможно, следует согласиться с мнением автора о том, что жемайтские говоры сохранили тавтосиллабическое *n* в окончании им. падежа мн. числа причастий прошедшего времени потому, что эта флексия, как свидетельствуют примеры М. Даукпи, была ударной (стр. 218—219). Однако без внимания оставлена точка зрения З. Зинкявичюса, который совершенно по-иному трактует это языковое явление¹. Не совсем ясно, какого мнения придерживается В. Гринавецкис относительно происхождения

дифтонга *ei* в жемайтском доунииньском говоре: на стр. 192 он утверждает, вслед за К. Яунксом, К. Бугой, А. Салисом, что этот дифтонг происходит из древнего **ē*, а на стр. 193—194 склоняется к мнению Й. Казлаускаса, что *ei* в доунииньском говоре является не чем иным, как древним *ei* с суженным первым компонентом.

Жемайтское наречие имеет много общих черт с верхнелатышским диалектом. Например, как в том, так и в другом диалектах наблюдается самая сильная лабиализация гласных звуков *a*, *ā*, дифтонгизация гласного *ē* в *ie*, монофтонгизация дифтонгов *ie*, *uo*, изменение гласного *e* в *a* и т. д. В исследовании не затронута проблема взаимоотношений этих двух балтийских говоров.

Отмеченные здесь некоторые недочеты, разумеется, не снижают научной ценности серьезного труда В. Гринавецкиса. Тщательность, точность и объективность ученого хорошо известны языковедам и по многим другим его работам.

Рецензируемая монография является самым полным исследованием по фонетике жемайтского наречия. Своим исследованием В. Гринавецкис внес значительный вклад в изучение диалектов Литвы, что позволяет считать его работу одним из наиболее ценных трудов по балтистике.

Е. И. Кедайтене

¹ Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija, Vilnius, 1966, стр. 78.

«The Hungarian language». Edited by L. Benkő and S. Imre. — Akadémiai Kiadó, Budapest, 1972. 379 стр. + 16 facsim.

Рецензируемая книга состоит из девяти относительно самостоятельных разделов: 1) «Происхождение венгерского языка» (стр. 15—48, автор П. Хайду); 2) «Историческая фонология венгерского языка» (стр. 49—83, Б. Калман); 3) «Грамматическая система венгерского языка» (стр. 85—170, Ш. Карой); 4) «Лексика венгерского языка» (стр. 171—226, Л. Бенкő); 5) «Собственные имена в венгерском языке» (стр. 227—253, Л. Бенкő); 6) «Стандартный венгерский язык» (стр. 255—297, Л. Деме); 7) «Диалекты венгерского языка» (стр. 299—326, Ш. Имре); 8) «Ранние памятники венгерского языка» (стр. 327—348, Ш. Имре); 9) «Очерк истории венгерского языкознания» (стр. 349—377, И. Сатмари). Разделы книги снабжены библиографией наиболее важных трудов по рассматриваемым вопросам. К книге приложены 1) список лингвистических журналов, издаваемых в Венгрии, как и наиболее важных трудов по венгерскому и финно-угорскому языкознанию; 2) факсимиле отдельных страниц древнейших памят-

ников венгерского языка и венгерской письменности. Посвященные различным вопросам венгерского языкознания разделы книги составляют единую монографию несмотря на то, что мнения авторов, видных ученых Венгрии, по некоторым вопросам не согласованы, к тому же авторы придерживаются разных взглядов и на методы исследования отдельных вопросов. Как указано в предисловии, издатели сочли полезным сохранить за авторами право высказывать мнения и применять методы, отражающие разные стороны современного состояния венгерского языкознания.

Так, П. Хайду, имеющий ряд ценных работ по вопросам этногенеза венгров и их прародин, придерживается комплексного метода исследований, учитывая новейшие результаты разнородных лингвистов, историков, археологов, антропологов, палинологов. В частности, опираясь на новейшие исследования по пыльцевому анализу растений, некогда распространенных в Восточной Европе и Западной Азии, и принимая во внимание